

**NOTES
DE L'IFRI**

RUSSIE.NEI.VISIONS, No. 122

АПРЕЛЬ
2021

Мягкая сила России

ИСТОЧНИКИ, ЦЕЛИ И КАНАЛЫ ВЛИЯНИЯ

Центр
Россия/ННГ

Марлен ЛАРЮЭЛЬ

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

*Данная статья опубликована в рамках проекта
«Обсерватория России, Южного Кавказа и Восточной Европы» при поддержке
Генеральной Дирекции по Международным Делах и Стратегии (DGRIS)
Министерства Армий Франции.*

ISBN: 979-10-373-0339-4

© Все права защищены, Ifri, 2021

Обложка: © Henryk Ditze/Shutterstock

Прочитать публикацию:

Марлен Ларюэль, «Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния»,
Russie.Nei.Visions, №122, Ифри, апрель 2021.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15—FRANCE

Tel.: +33 (0)1 40 61 60 00—Fax: +33 (0)1 40 61 60 60

Email: accueil@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Беларуси, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими международными экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Марлен Ларюэль – профессор, директор Института исследований Европы, России и Евразии (IERES) университета Джорджа Вашингтона (Вашингтон, округ Колумбия), руководитель программы исследований нелиберализма и соруководитель программы *PONARS Eurasia*. С января 2019 года она является ассоциированным исследователем Центра Россия/ННГ ИФРИ. Она ведет исследования по подъему популистских и нелиберальных движений, консерватизму и вопросам национальной идентичности в постсоветском пространстве, особенно в России. Среди её последних публикаций:

- *Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East West* (Ithaca: Cornell University Press, 2021).
- *Memory Politics and the Russian Civil War. Reds versus Whites* (London: Bloomsbury, 2020, в соавторстве с Маргаритой Карнышевой).

Краткое содержание

В статье утверждается, что мягкую силу России следует понимать как нишевую, узко нацеленную на конкретные аудитории по четырём направлениям: история и культура России, советское наследие, консервативная и нелиберальная политическая идентичность и статус джокера на международной арене. Эта стратегия возникла в результате осознания ограниченных возможностей влияния России, по сравнению с мягкой силой США, как в финансовом плане, так и в плане создания культурных продуктов и брендов для экспорта их по всему миру. Случай России позволяет изучить возможности неуниверсальной мягкой силы на международной арене, а также успехи и неудачи Москвы в продвижении консервативных ценностей и сопротивлении так называемому либеральному мировому порядку.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
РОЛЬ И МЕСТО «КОНСЕРВАТИЗМА» В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ	8
АРСЕНАЛ РОССИЙСКОЙ МЯГКОЙ СИЛЫ: ЧЕТЫРЕ НИШИ	14
Первая ниша: история и культура России	16
Вторая ниша: советское наследие	17
Третья ниша: российское государственное управление и идеология	18
Четвёртая ниша: российский статус джокера на международной арене.....	20
Централизация и децентрализация в нишевой стратегии	22
УСПЕХИ И НЕУДАЧИ РОССИЙСКОЙ НИШЕВОЙ МЯГКОЙ СИЛЫ	24
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	28

Введение

Теории мягкой силы, начало разработки которых положил Джозеф Най, опираются в основном на два ключевых постулата: во-первых, мягкой силой обладают главным образом страны, придерживающиеся либеральных систем и универсальных ценностей; во-вторых, США выступают эталоном для измерения влияния мягкой силы¹. Оба эти предположения на самом деле спорны. За небольшими исключениями², в существующей литературе до настоящего времени оставался недостаточно изученным потенциал мягкой силы нелиберальных режимов и возможная привлекательность стран, отказывающихся от универсальных ценностей и призывающих к политике, основанной на партикуляризме. Кроме того, уникальность масштабов мягкой силы, которую США распространяют во всём мире, делает их скорее исключением, чем эталоном. Подход, ориентированный лишь на США, рискует обойти вниманием нишевые формы мягкой силы, которую проецируют другие страны.

В данной статье утверждается, что пример России опровергает оба вышеупомянутые предположения. Россия разрабатывает то, что можно назвать нишевой мягкой силой, узко направленной на определённые аудитории на базе культуры, истории и сегодняшнего статуса страны. Эта стратегия возникла в результате осознания Россией своих ограниченных возможностей влияния, по сравнению с мягкой силой США, как в финансовом плане, так и в плане создания культурных продуктов и брендов для экспорта их по всему миру. Она основана на рациональном SWOT-анализе (strengths, weaknesses, opportunities, threats), то есть анализе сильных и слабых сторон, возможностей и угроз. Вместе с тем эта стратегия отражает децентрализованный характер мягкой силы, в которой, в той или иной степени, задействовано множество негосударственных игроков, занимающихся продвижением России за рубежом и

Переведено с английского Натальей Киселевой-Туле.

1. *Nye Jr J. S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. 2005.

2. *Keating V. C., Kaczmarek K.* Conservative Soft Power: Liberal Soft Power Bias and the «Hidden» Attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development* 22. № 1. 2019. Сс. 1-27. См. также: *Barr M., Feklyunina V.* (ред.) Special Issue: The Soft Power of Hard States // *Politics*. Т. 35. № 3-4. 2015.

порой имеющих слабый уровень взаимодействия и координации с государственными структурами.

Эта особенность подтверждает существование российской мягкой силы, то есть ресурса, существующего как результат сочетания классической, проводимой государственными институтами, и «новой» публичной дипломатии, проводимой неправительственными организациями (которые в российском случае тесно связаны с государственными институтами и функционируют скорее как пара-государственные структуры), фондами, идеологическими предпринимателями, олигархами или знаменитостями, продвигающими имидж страны за рубежом и контактирующими с зарубежной общественностью. В данной статье используется широкое определение мягкой силы, которое включает усилия как государства, так и негосударственных игроков в создании, не всегда координированным образом, позитивного имиджа России за рубежом.

Нишевая стратегия России подтверждает возможности неуниверсальной мягкой силы. Какова роль в этой нишевой мягкой силе консервативных ценностей, которые российское государство официально пропагандирует на протяжении уже почти десяти лет? Путинский режим сделал консерватизм краеугольным камнем своего стратегического нарратива³, широкая распространённость которого внутри страны объясняется пережитым опытом многих российских граждан, желающих замедления постсоветских социально-экономических и культурных преобразований, а также разочарованием российских элит в либеральном Западе. Этот нарратив служит России на международной сцене, где он может быть услышан как сторонниками, так и критиками консерватизма. Смысл этого нарратива остаётся намеренно размытым: российские политики умело используют природу мирового порядка, возникшего после окончания холодной войны, изменчивую как в идеологическом плане, так и в терминах стратегических альянсов. Но даже такой размытый консерватизм сохраняет своё идеологическое ядро, некое глобальное видение, которое может быть использовано под разными названиями: моральный консерватизм так

3. О концепции стратегических нарративов см.: *Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. (ред.) Forging the World: Strategic Narratives and International Relations*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2017. О российском консерватизме см., среди прочих: *Chebankova E. Russian Fundamental Conservatism: In Search of Modernity // Post-Soviet Affairs*. Т. 29. № 4. 2013. Сс. 287-313; *Bluhm K., Varga M. (ред.) New Conservatives in Russia and East Central Europe*. New York: Routledge. 2018; *Suslov M., Uzlaner D. (ред.) Contemporary Russian Conservatism: Problems, Paradoxes and Dangers*. Lanham, MD: Lexington Books. 2019; *Robinson P. Russia's Emergence as an International Conservative Power // Russia in Global Affairs*. № 1. 2020.

называемых традиционных ценностей против культурного либерализма, пропагандирующего гендерное равенство и права ЛГБТ-сообщества или суверенитет национальных государств против либерального, многостороннего мирового порядка.

В статье сначала рассматривается место и роль консерватизма в российском внутривнутриполитическом ландшафте, а затем анализируются четыре направления нишевой мягкой силы России: история и культура, советское наследие, сегодняшняя политическая идентичность и статус джокера на международной арене. Наконец, будут рассмотрены успехи и неудачи консервативной нишевой мягкой силы и её способность привлекать иностранную аудиторию и влиять на решения в пользу России на международной арене.

Роль и место «консерватизма» в российском политическом ландшафте

Консервативная составляющая доминировала в российском обществе в 1990-е годы, что выражалось в поддержке двух политических партий - Коммунистической партии Геннадия Зюганова и (так несоответствующей своему названию) Либерально-демократической партии России (ЛДПР) Владимира Жириновского, – выступавших против ельцинского либерального курса. Постепенно консервативная повестка была перехвачена более центристскими политическими элитами: сначала, в конце 1990-х, партией Евгения Примакова и Юрия Лужкова «Единство», а затем новой президентской партией «Единая Россия⁴». В начале 2000-х годов консерватизм стал официальной идеологией «Единой России», представляемой внутрипартийными дискуссионными клубами с различающимися идеологическими течениями между «либеральным консерватизмом» или «патриотическим консерватизмом»⁵. И лишь в 2008 году этот термин впервые прозвучал в президентском выступлении Дмитрия Медведева, отказавшегося называть себя как либералом, так и консерватором⁶. Он вновь был использован в 2012 году, когда Медведев, всё ещё занимавший президентский пост, определил позицию «Единой России» как «консервативно-центристскую», а Алексей Кудрин, долгое время занимавший должность министра финансов, – как «правоконсервативную»⁷.

4. Laruelle M. In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia. New York: Springer. 2009.

5. Fauconnier C. Entre le marteau et l'enclume : La fabrication d'une hégémonie partisane dans la Russie de Poutine [Между молотом и наковальней: фабрикация гегемонии сторонников в России Путина], Paris : Septentrion. 2019. См. также : Laruelle M. Inside and Around the Kremlin's Black Box: The New Nationalist Think Tanks in Russia // Stockholm Paper. 2009.

6. Интервью представителям средств массовой информации стран «Группы восьми». Официальный вебсайт Президента России. 3 июля 2008. <http://kremlin.ru>; Интервью информационному агентству Рейтер. Официальный вебсайт Президента России. 25 июля 2008. <http://kremlin.ru>.

7. Интервью газете «Файнэншл Таймс». Официальный вебсайт Президента России. 20 июня 2011. <http://kremlin.ru>.

С 2013 года, вернувшийся годом раньше на пост президента Владимир Путин начал использовать этот термин в более политически-философском смысле, называя себя «прагматиком с консервативным уклоном⁸», придерживающимся «консервативного подхода»⁹, или «человеком с консервативными ценностями¹⁰». Однако после поворотного 2014 года Путин лишь дважды упомянул слово «консервативный» в 2016 году (ни одного упоминания в 2015, 2017, 2018, 2019 и 2020 годах) для характеристики позиции «Единой России» и признания существования как либерального, так и консервативного прочтения революций 1917 года¹¹. Как видно из этого краткого контент-анализа, термин «консерватизм» не получил широкого применения на президентском уровне, за исключением периода с 2013 по 2014 год. В президентских выступлениях чаще использовались другие понятия из того же семантического поля, такие как духовность, национальные традиции, исконные корни, моральные или нравственные ценности, культурный код, моральные стержни, духовные скрепы, культурный суверенитет, и особенно, традиционные ценности.

Постепенно выстроенное Кремлём понятие российского консерватизма начало определяться в основном по контрасту с опытом либерализма, испытанным в 1990-е годы. Память об «ельцинском десятилетии» выстроена как память о периоде хаоса, новом Смутном времени, которого России впредь следует избегать¹². Со второй половины 2000-х годов и, в частности, знаковой речи Путина на Мюнхенском саммите в 2007 году¹³, отечественный опыт либеральной шоковой терапии при Ельцине ассоциируется с так называемым либеральным мировым порядком, который отводит России в лучшем случае место мировой державы второго ряда, а в худшем – место государства-изгоя наравне с Ираном и Северной Кореей. Кремль сконструировал понятие российского консерватизма как обратное отражение западного либерализма для борьбы с внутренней либеральной оппозицией, а также с тем, что –

8. Интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс. Официальный вебсайт Президента России. 4 декабря 2013. <http://kremlin.ru>.

9. Пресс-конференция Владимира Путина. Официальный вебсайт Президента России. 19 декабря 2013. <http://kremlin.ru>.

10. Встреча с активом партии «Единая Россия». Официальный вебсайт Президента России. 27 апреля 2012. <http://kremlin.ru>.

11. Большая пресс-конференция Владимира Путина. Официальный вебсайт Президента России. 23 декабря 2016. <http://kremlin.ru>.

12. Malinova O. Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin's Regime // Problems of Post-Communism. Июнь 2020.

13. Lyukanov F. Putin's Russia: The Quest for a New Place // Social Research. Т. 76. № 1. 2009. Сс. 117-150.

справедливо или нет – воспринимается им как проявление западной политики, направленной на смену режима в России.

Акцент на риторике консерватизма впервые был сделан Вячеславом Володиным, занимавшим пост главы администрации президента с конца 2011 года (во время массовых антипутинских протестов на Болотной площади¹⁴) до 2016 года. До этого, Владислав Сурков, занимавший этот же пост на протяжении десяти лет, напротив поддерживал и финансировал более широкий спектр идеологических продуктов, от знаменитой «суверенной демократии» до возрождения «Евразии» и институционализации «русского мира», спонсируя как либерально ориентированные, так и националистические лоббистские группы¹⁵.

С конца 2016 года, с уходом Суркова и приходом на ту же должность Сергея Кириенко, переход к более прагматичному и менее идеологически окрашенному нарративу подтвердил способность администрации президента как активизировать, так и снижать производство идеологии. Это замедление в Кремле не означает, что производство идеологии на разных уровнях государственного управления следует одной и той же схеме: министерства, а также региональные и муниципальные органы власти продолжают производить широкий спектр идеологической продукции достаточно децентрализованным образом¹⁶. Более того, некоторые влиятельные бизнесмены, такие как Константин Малофеев и Евгений Пригожин, пытаются закрепить свой статус на внутривластном ландшафте, привлекая к себе остатки партии «Родина» с тем, чтобы представить их в качестве правой и националистической альтернативы центристской «Единой России¹⁷».

Новые поправки к Конституции, одобренные на всенародном референдуме в июле 2020 года, закрепили форму государственной идеологии, выстроенную вокруг трёх столпов: религии, патриотизма и национализма. Эта триада напоминает девиз Российской империи при Николае I (1825–55): православие, самодержавие, народность¹⁸. Что касается религии,

14. *Greene S. A. Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia.* Stanford: Stanford University Press. 2014.

15. *Pomerantsev P. Nothing Is True and Everything Is Possible: The Surreal Heart of the New Russia* // New York: Public Affairs. 2015.

16. *Laruelle M. Putin's Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game* // Task Force White Paper. Carnegie Endowment for International Peace. Т. 16. № 3. 2017.

17. См. *Stanovaya T. R-Politics, The Bulletin of Russian Politics.* № 21 (61). 10 ноября 2020. Сс. 19-24.

18. *Riasanovsky N. V. «Nationality» in the State Ideology during the Reign of Nicholas I* // *Russian Review.* 1960. Сс. 38-46.

то в новых поправках упоминается бог («сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в бога»), допускаются только разнополые браки, делается акцент на традиционных семейных ценностях. Что касается патриотизма, поправки усиливают патриотическое воспитание молодёжи, память о Великой Отечественной войне («Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды») и признают Россию правопреемницей Советского Союза. В отношении национализма поправки называют «русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации¹⁹».

Однако, в отличие от времён Николая I, эта идеологическая триада отнюдь не представляет собой ригидную доктрину, поскольку сама её формулировка остаётся уклончивой и намеренно двусмысленной. Например, хотя в Конституции упоминается бог, Русская православная церковь не признаётся в качестве государственной религии. Не отрицается и светскость государства, поскольку поправка относится к «памяти предков», а не к сегодняшним государственным институтам: религиозность общества не противоречит светскости государства. Что касается русского языка, то он служит эвфемизмом для понятия «русский народ», вызывающего немалую полемику в этнических республиках. К тому же упоминание русского народа в этническом смысле было бы сложно обосновать юридически, поскольку Россия – это федерация с чётко идентифицированными меньшинствами и имплицитным большинством, и государство систематически прибегает к двусмысленности в определении российской нации²⁰.

Таким образом, нельзя не заметить пластичность используемых формулировок. Российский режим любит позиционировать себя как умеренную силу: он поддерживает повестку консервативных ценностей, но отказывается от радикальных формулировок, которые могли бы излишне укрепить и без того широкие полномочия российской православной церкви или националистических сил. Он также, насколько это возможно, старается избегать юридически обязывающих формулировок по спорным вопросам, таким как религия и национализм, но соглашается с теми, по которым уже имеется консенсус, например патриотизм, нарратив о второй мировой войне и объявление гомосексуализма вне нормы.

19. Антонова Е., Старостина Ю. Путин внёс поправки про бога, русский народ и союз мужчины и женщины // РБК. 2 марта 2020. www.rbc.ru.

20. Shevel O. Russian Nation-Building from Yelt'sin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? // Europe-Asia Studies. Т. 63. № 2. 2011. Сс. 179–202.

Обильное и какофоническое производство идеологии может объясняться существованием различных экосистем, каждая из которых формируется определённым ареалом учреждений, спонсоров и попечителей, идентифицируемых символических ссылок, агентов влияния и медиа-платформ, находящихся в постоянном движении и регулярно корректирующих свои действия для поддержания системы в равновесии. Таким образом, появилось несколько вариантов темы консерватизма – религиозный, цивилизационный, изоляционистский и государственнический (державный) – в зависимости от того, какой элемент выступает в качестве краеугольного камня идентичности России: православие, Евразия, русская нация или государство²¹.

Соответственно, использование термина «консерватизм» внутри страны для определения режима и/или самой России охватывает различные семантические пространства. Во-первых, консерватизм является синонимом центризма – термин, используемый для определения позиции правительства, противостоящей обоим предполагаемым экстремизмам – либерализму и национализму, – что не мешает при этом проводить неолиберальные экономические реформы. Во-вторых, по отношению к оппонентам консерватизм выступает как синоним контрреволюции, направленной на противостояние «цветным революциям» и посылающей сигнал о том, что любая форма политических изменений, происходящих под давлением либерально настроенных протестующих и/или внешнего вмешательства, получит яростный отпор. В-третьих, по отношению к общественному мнению консерватизм является синонимом стабильности и предсказуемости – ключевой ценности для российского общественного мнения после пережитого опыта слишком резких перемен в 1990-х годах.

Используя понятие консерватизма, Кремль пытается также представить путинский режим как достижение страны, как с точки зрения возвращения ей статуса великой державы, так и в терминах уровня жизни граждан. Согласно формулировке Сергея Прозорова, для сторонников консерватизма «посткоммунистическая Россия... уже создала достаточно того, что стоит сберечь²²». Наложение официальной идеологии, защищающей режим от внешнего давления, и негативной памяти 1990-х годов, разделяемой большинством российских граждан, объясняет широкую народную поддержку Путина в

21. *Robinson P.* Russian Conservatism. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2019.

22. *Prozorov S.* Russian Conservatism in the Putin Presidency: The Dispersion of an Hegemonic Discourse // *Journal of Political Ideologies*. Т. 10. № 2. 2005. Сс. 121-43, 125.

течение двух десятилетий. Но в последнее время эта идиллия была нарушена молодым поколением и городским средним классом, для которых пресловутая стабильность постепенно начала ассоциироваться с застоём²³.

На международной арене истоки российского консерватизма как ответа на западный либерализм коренятся в давних идеологических антагонизмах. Этот бунтарский аспект российского идеологического экспорта не является чем-то новым: начиная с XIX века Россия экспортирует в Европу революционные идеологии, от популизма и терроризма левого толка до коммунизма, как способ бросить вызов европейскому идеологическому мейнстриму соответствующей эпохи. Очевидно, что предлагаемая сегодня Россией идеология неизмеримо менее структурирована на доктринальном уровне, чем коммунизм, но лучше адаптирована к современным постмодернистским условиям идеологической неоднородности и изменчивости. Она по-прежнему берёт за основу идею о том, что для существования в качестве независимой силы Россия должна предложить Европе/Западу идеологическую альтернативу, прежде социалистическую, а сегодня консервативную. Эта альтернатива принимает форму пропагандистской стратегии, ориентированной на продвижение не универсалистской идеологии, которая напрямую могла бы противостоять ассоциирующимся с США либеральным ценностям, а идеологии, возвращённой на особенностях России.

23. *Smyth R. Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008-2020.* Cambridge: Cambridge University Press. 2020.

Арсенал российской мягкой силы: четыре ниши

Как и любая великая держава, Россия обладает полным набором внешнеполитических инструментов, из которых:

- Один из крупнейших в мире дипломатических корпусов, возродившийся из пепла 1990-х годов.
- Военно-промышленный комплекс, восстановивший часть своего влияния, но продолжающий бороться за то, чтобы стать необходимым элементом в процессе принятия решений и в гражданской сфере.
- Проактивная экономическая дипломатия, включающая государственные корпорации, такие как «Росатом» и «Газпром», и ключевых частных игроков, таких как «Роснефть», способных проводить переговоры за рубежом.
- Динамичная публичная дипломатия, направленная на диалог с зарубежным общественным мнением и продвижение собственных интересов и ценностей²⁴, вероятно наилучшим образом символизируемая международными СМИ RT и Sputnik, получающими государственное финансирование.
- Обширный набор «серых» стратегий, включающий как унаследованные от советских традиций «активные меры», так и копирование американского маркетинга и тактики холодной войны, породившие динамичный теневой мир спецслужб и влиятельные сети идеологических предпринимателей, комбинирующие частную коммерческую деятельность и функцию поддержки действий российского государства²⁵.

24. *Simons G.* Russian Public Diplomacy in the 21st Century: Structure, Means and Message // *Public Relations Review*. Т. 40. № 3. 2014. Сс. 440-449; *Velikaya A., Simons G.* (ред.) *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. Cham: Palgrave Macmillan. 2020. См. также: *Audinet M.* Anatomie de la diplomatie culturelle russe à l'ère postsoviétique [Анатомия российской культурной дипломатии в постсоветский период] // *Hérodote*. Т. 3. № 166-167. 2017. Сс. 165-177.

25. *Laruelle M., Limonier K.* *Entrepreneurs of Influence: A Digital Exploration Beyond Russia's Hybrid Warfare* (в печати).

Потенциал мягкой силы этого внешнеполитического арсенала формируется парадоксальным статусом России на международной арене: переживающая упадок великая держава, олицетворяющая «старый мир» – символизируемый унаследованными от Советского Союза постоянным членством в Совете Безопасности ООН и ядерным арсеналом – и потому, не желая потерять эти козыри, защищающая существующий статус кво. В то же время, в определённых условиях Россия предстаёт и как восходящая региональная держава, олицетворяющая «новый мир» – символизируемый БРИКС – и выстраивающая альтернативы нынешним международным институтам²⁶. Этот двойной статус воспроизводится в двойной стратегии изоляции и «реконкисты», согласно которой Россия воспринимает и позиционирует себя одновременно осаждённой крепостью и новым триумфатором, маяком надежды для тех, кто разочарован в руководимом США мировом порядке. Эта двойная стратегия, направленная на упрочение российской претензии на статус великой державы или, по крайней мере, для смещения баланса в этом направлении, характеризуется хорошо продуманным анализом издержек и выгод, что позволяет комбинировать низкие затраты и эффективную проекцию силы, достаточную, чтобы бросить вызов США, и без того перегруженным международной повесткой в связи с одновременным вовлечением на слишком большом количестве театров²⁷.

Российская мягкая сила интерпретируется российскими политиками как контрсила, то есть реактивное и оборонительное действие, направленное против американской и европейской мягкой силы. Находясь в оборонительной позиции, Россия выстраивает такую стратегию мягкой силы, которая, по её мнению, представляет наилучшее соотношение издержек и выгод, а именно, ориентацию на микроаудитории. Микротаргетирование – это весьма эффективная маркетинговая тактика, заключающаяся в персонализации рекламных кампаний для каждого клиента на основе сбора демографических, географических и психографических данных, предсказывающих покупательские привычки, а также ценности и интересы целевой аудитории. Быстрое развитие социальных

26. См., например: *Budnitsky S., Jia L.* Branding Internet Sovereignty: Digital Media and the Chinese-Russian Cyberalliance // *European Journal of Cultural Studies*. Т. 21. 2018. Сс. 594–613.

27. Подробнее в: *Laruelle M.* Isolation and Reconquista: Russia's Toolkit as a Constrained Great Power // *Russia Matters*. 12 декабря 2018. www.russiamatters.org.

сетей привело к широкому распространению техники микротаргетирования в избирательных кампаниях²⁸.

Применительно к внешнеполитическому влиянию российская стратегия микротаргетирования означает отказ от попытки охватить широкую мировую аудиторию в пользу выбора некоторых хорошо идентифицированных групп, характеристики которых теоретически располагают их к большей восприимчивости к стратегическим нарративам России. Можно выделить четыре действующие стратегии российской нишевой мягкой силы: история и культура, советское наследие, современное управление и идеология, роль джокера на международной арене. Первые две стратегии по определению ограничены определёнными группами, третья и четвёртая обладают потенциалом выхода на более широкую аудиторию, но при этом не претендуют на какое-либо универсальное доминирование.

Первая ниша: история и культура России

Первая ниша базируется на российских истории и культуре. Она естественным образом ориентирована на русские меньшинства за рубежом на основе идеи общей принадлежности к «русскому миру». Различные варианты этого подхода существуют для аудитории, которую Россия считает своим «ближним зарубежьем», и для тех, кто находится за его пределами²⁹. «Ближнее зарубежье» может выбирать между двумя возможностями: вернуться в Россию в рамках государственной программы репатриации соотечественников (с момента запуска программы в 2006 году этой возможностью воспользовалось 900 тыс. человек)³⁰ или остаться в своей стране и получать культурную, а порой и политическую поддержку со стороны России. Цели отличаются по отношению к тем, кто находится в «дальнем зарубежье» – в Европе, Северной Америке и Израиле, – в силу меньшей очевидности их культурных и бытовых связей с Россией. Им предлагается поддерживать собственную русскую идентичность участвуя в культурных мероприятиях, поддерживая имидж России за рубежом и вкладывая финансовые средства в Россию. Россотрудничество и,

28. Zuiderveen *Borgesius F. J., Möller J., Kruikemeier S., Ó Fathaigh R., Irion K., Dobber T., Bodo B., De Vreese C.* Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy // *Utrecht Law Review*. Т. 14. № 1. 2018. Сс. 82-96.

29. *Laruelle M.* The «Russian World»: Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination // *Center for Global Interests Papers*. Май 2015.

30. *Лантева А.* Россия: программа репатриации соотечественников пробуксовывает // *Eurasianet*. 10 сентября 2019. <https://russian.eurasianet.org>.

в меньшей степени, Фонд «Русский мир», выступают в качестве ключевых институциональных и финансовых векторов этого первого уровня первой ниши.

Второй уровень первой ниши проявляется в культивации братских религиозных чувств с целью оказать влияние на страны и общины, исповедующие православие, особенно на Балканах, где наибольшее внимание уделяется Греции и Кипру. На Ближнем Востоке Русская православная церковь также ведёт активную парадипломатическую деятельность среди восточных христиан, помогая российскому государству подготовить своё политическое возвращение в регион в духовном смысле, то есть в качестве цивилизационной миссии. Институт церкви также играет ключевую роль в привлечении влиятельных пророссийских деловых и политических кругов в Ливане и, в более общем плане, во всём христианском мире, чувствительном к проблемам религиозного мира на Ближнем Востоке. По словам Димы Адамского, «Русская православная церковь стала инструментом подлинного стратегического влияния» Кремля на театре военных действий в Сирии и вокруг него³¹.

Вторая ниша: советское наследие

Вторая ниша актуализирует советское наследие. Пытаясь возродить из пепла советскую мягкую силу, Москва вновь открыла некоторые каналы связи с левыми движениями, особенно в Западной Европе, такими как *Die Linke* в Германии и *La France Insoumise* во Франции³². Тем не менее, эти отношения остаются напряжёнными и с трудом могут быть использованы обеими сторонами. Позиция левых партий Европы по международным вопросам действительно разделяет некоторые идеологические компоненты с позицией России, к примеру, негативное отношение к НАТО, недоверие к трансатлантическим институтам и несогласие с тем, что чрезмерно либеральный Евросоюз обретает большую власть над национальными государствами. При этом западные левые занимают весьма либеральную позицию в отношении гендерной политики, что напрямую противоречит российскому консерватизму в области

31. *Adamsky D.* Christ-loving Diplomats: Russian Ecclesiastical Diplomacy in Syria // *Survival*. Т. 61. № 6. 2019. Сс. 49-68, здесь 49. См. также: *Aktürk Ş.* Five Faces of Russia's Soft Power: Far Left, Far Right, Orthodox Christian, Russophone, and Ethnoreligious Networks // *PONARS Eurasia Policy Memo*. № 623. Ноябрь 2019; *Adamsky D.* The Role of the Russian Orthodox Church in Moscow's Syrian Campaign // *PONARS Eurasia Policy Memo*. № 635. Февраль 2020.

32. *Győri L., Krekó P.* Don't Ignore the Left! Connections Between Europe's Radical Left and Russia // *Open Democracy*. 13 июня 2016. www.opendemocracy.net.

морали, а также активно выступают по экологическим вопросам, что также не находит особого отклика в Кремле.

Некоторые маргинальные российские структуры тоже стремятся к восстановлению советской традиции поддержки сепаратистских группировок, пропагандирующих афроамериканский, тexasский и пуэрториканский сепаратизм в США, но это движение остаётся второстепенной осью мягкой силы, используемой в основном игроками третьего эшелона³³.

Третья ниша: российское государственное управление и идеология

Третья ниша относится к сегодняшней российской идеологии и может быть разделена на три категории: моральный консерватизм, нелиберальные ценности и то, что можно назвать «суверенизмом».

Позиционирование Россией себя в качестве защитницы «традиционных семейных ценностей» действительно вызывает отклик у тех, кто – на Западе, а также на Ближнем Востоке или в Африке – стремится воспрепятствовать движениям в защиту сексуальных меньшинств и прав женщин. Все европейские и американские поборники так называемой традиционной семьи приветствуют позицию Путина по этому вопросу³⁴. Роль российских представителей в международных структурах, таких как Всемирный конгресс семьи, каналы коммуникации, установленные Русской православной церковью с Ватиканом, консервативными католиками, а также американским движением Christian Right также служат яркими примерами этого руководимого Россией «морализма» или «консервативного интернационала».

Подъём нелиберального способа управления³⁵, – – массово распространяющегося от Турции и Израиля до Бразилии и Филиппин, часто представлен в литературе как результат российской мягкой силы. Но даже если местные политические лидеры позитивно относятся к Владимиру Путину как

33. Например, это случай Антиглобалистского движения России (АДР) Александра Ионова, перенявшего традицию у бывшего Всемирного конгресса патриотических партий Владимира Жириновского.

34. Список примеров см. в: *Keating C. Conservative Soft Power*, и *Laruelle M. Beyond Anti-Westernism: The Kremlin's Narrative about Russia's European Identity and Mission* // PONARS Eurasia Policy Memo. № 326. Август 2014. www.ponarseurasia.org.

35. Определяемого как сокращение общественных свобод, концентрация власти в руках сильного харизматичного лидера и политическое преследование прессы или независимой судебной системы в бывших либеральных странах.

вдохновителю и примеру для подражания, распространение нелиберального способа управления не может быть интерпретировано как прямой результат российской мягкой силы, а должно рассматриваться как возникшее в определённом внутривнутриполитическом контексте. В литературе, посвящённой подъёму авторитаризма/нелиберализма, как правило прослеживается тенденция к слиянию понятий конвергенции и диффузии³⁶.

То, что России может быть выгодна конвергенция управления, автоматически не означает, что она способна распространить свою модель за рубежом. При этом она может предложить нелиберальным режимам обширный спектр «услуг» – от военной техники и советников, информационной поддержки и оффшорных механизмов до инвестиций в местную экономику, не подверженных типичной для западного подхода оценке рентабельности.

Вызов современному миропорядку и доминированию США является ещё одним аспектом, где российское лидерство может приветствоваться в качестве авангарда «суверенизма³⁷». Этот термин, возникший во французской традиции голлизма, подчёркивает необходимость защиты национального суверенитета в качестве ключевого элемента как внутренней политики, так и мирового порядка. Москва продвигает суверенизм в трёх областях: политической, экономической и культурной.

Политический суверенизм утверждает идею о том, что только национальные государства обладают политической легитимностью, поскольку это единственный уровень, на котором граждане выражают свою коллективную волю посредством выборов (даже если эти выборы не являются ни свободными, ни справедливыми), и поэтому полномочия, законным образом принадлежащие национальному государству, не должны делегироваться неизбираемым наднациональным институтам. Из этой идеи вытекает необходимость борьбы за восстановление ялтинского миропорядка, уважающего сферы влияния великих держав, и врагами которого являются общеевропейские органы, международные финансовые институты и международные суды, а также гуманитарный

36. *Ambrosio T., Tolstrup J.* How Do We Tell Authoritarian Diffusion From Illusion? Exploring Methodological Issues of Qualitative Research on Authoritarian Diffusion // *Quality & Quantity*. Т. 53. № 6. 2019. Сс. 2741-2763.

37. См. также концепцию преторианизма Жана-Робера Равио: *Равио Ж.-Р.* Путинизм как преторианская система // *Russie.NEI.Visions*. № 106. Март 2018. www.ifri.org.

интервенционизм и поддержка западным правозащитным сообществом смены режима³⁸.

В экономической сфере суверенизм означает отстаивание экономического патриотизма и протекционизма в противовес глобализации и её негативных последствий, таких как делокализация промышленного производства и рабочей силы, неолиберальные реформы, выхолащивающие принципы социального обеспечения, финансовый капитализм, диктат Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка и т.д.

Культурный суверенитет основывается на эссенциалистском определении нации – кого она включает в себя и каковы должны быть её главные культурные характеристики. С этой точки зрения, в центре каждого национального государства находится основная нация, наделённая правом на развитие своей культуры, в то время как иностранцы, мигранты и меньшинства должны согласиться на статус второго ранга и признать верховенство большинства.

Эти три аспекта суверенизма сходятся в антиамериканской и антиатлантической позиции России и вызывают частично пересекающиеся последствия для европейских государств, которые Кремль хотел бы видеть отказавшимися от трансатлантических обязательств в пользу континентального партнёрства с Москвой. Согласно этому взгляду, суверенные европейские государства должны отвергнуть трансатлантические союзы, служащие лишь для маскировки эгоистических стратегических интересов Вашингтона, бросить вызов доминированию США и международных финансовых институтов, а также отказаться от идей мультикультурализма и прав меньшинств как концепций, противоречащих «подлинным» европейским ценностям.

Четвёртая ниша: российский статус джокера на международной арене

Четвёртая ниша относится к роли России как джокера или трикстера на международной арене и не должна смешиваться с позицией «суверенизма». Фигура джокера занимает центральное место не только в российской, но и в советской культуре, поскольку Советский Союз был закрытым обществом, в котором люди привыкли действовать в противоречивых нормативных

38. *Sakwa R.* Russia Against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order. Кембридж: Cambridge University Press. 2017.

системах³⁹. Российскому режиму удалось перенести популярный образ джокера на свой глобальный статус на международной арене, который характеризуется лиминальностью и трансгрессией. По словам Вячеслава Морозова, «России не хватает способности изменить международную систему, в которой доминирует Запад. Дестабилизация системы изнутри более доступна и решает проблемы России, связанные как с безопасностью, так и со статусом⁴⁰». Эта политика хорошо отражается в акценте, который RT и Sputnik делают на своём позиционировании в качестве средств массовой информации (СМИ), представляющих альтернативу устоявшейся точке зрения (так называемым «мейнстримовым медиа»), культивирующих иронию, сарказм и сенсационность, направленные на цель изобличения Запада и развенчивания его ценностей⁴¹.

Трактовать эту стратегию как всего лишь циничную атаку на существующий миропорядок и обвинять Россию в «злокачественном» влиянии стало новой модой в Вашингтоне среди многих аналитических центрах⁴² – означало бы упустить из виду главное: значительная часть российского общественного мнения, включая элиту, искренне убеждена в том, что либеральная демократия не способна обеспечить общественный порядок, и что либеральный миропорядок не гарантирует равенства и справедливости и не является подлинно универсалистским⁴³. Эта убеждённость уходит корнями в опыт социально-экономических преобразований, последовавших за распадом СССР и потерей статуса страны на международной арене, а также связана с рядом разногласий, возникших у России с Западом по поводу условий взаимоотношений и совместного управления на постсоветском пространстве⁴⁴.

39. *Липовецкий М.* Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. № 100. 2009. Сс. 224-245.

40. *Morozov V., Kurowska X., Reshetnikov A.* Why Russia's Strategic Deception Is Popular: The Cultural Appeal of the Trickster // PONARS Eurasia Policy Memo. № 554. Декабрь 2018.

41. *Limonier K., Audinet M.* La stratégie d'influence informationnelle et numérique de la Russie en Europe [Стратегия информатического и цифрового влияния России в Европе] // Hérodote. Т. 1. № 164. 2017. Сс. 123-144.

42. См., например: *Newlin C. и др.* Countering Russian & Chinese Influence Activities // Center for Strategic & International Studies. Июль 2020; *Polyakova A.* US Effort to Counter Russian Disinformation and Malign Influence // Brookings. 10 июля 2019. www.brookings.edu; Undermining Democracy: Kremlin Tools of Malign Political Influence. Testimony for the United States House of Representatives Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Europe, Eurasia, Energy, and the Environment 116th Cong. 1st sess. 2019 (свидетельство Майкла Карпентера).

43. Относительно элит см.: *Werning Rivera S.* Survey of Russian Elites 2020. New Perspectives on Foreign and Domestic Policy // Hamilton. Июль 2020. www.hamilton.edu.

44. *Charap S., Colton T.* Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia. London: Routledge. 2017.

Централизация и децентрализация в нишевой стратегии

Сосуществование этих микротаргетированных ниш российской мягкой силы объясняет большое разнообразие идеологических инструментов, разработанных для охвата различных аудиторий в мире: нелиберальные аргументы используются для привлечения ультраправых или национал-популистских движений; антиамериканские заявления и обличение лицемерия неолиберальных элит обращены к более широкой и разнообразной аудитории, включающей движения левого толка; ксенофобские, антимигрантские и антимусульманские нарративы предназначены для европейской аудитории, а призывы к деколонизации от западного империализма – для стран субсахарской Африки и мусульманского мира⁴⁵.

С учетом такого разнообразия, одним из ключевых вопросов для исследователей мягкой власти России является определение уровня координации, существующей между различными нишами. Идёт ли речь о «генеральном плане», разработанном в Кремле ближайшим окружением Путина, или же, о скорее децентрализованном проекте? При более глубоком рассмотрении механизмов российской мягкой силы правдоподобнее выглядит второй вариант, представляющий собой несколько концентрических кругов учреждений и лиц, задача которых – воздействовать на конкретную аудиторию и создать наиболее эффективный нарратив для завоевания её поддержки, сохраняя при этом довольно значительную свободу маневра и возможность отрицания провала, участия и адаптации в зависимости от эволюции контекста.

В то время как Россотрудничество и Фонд «Русский мир» ориентируют большую часть своей деятельности на ближнее зарубежье, другие институты, такие как Институт демократии и сотрудничества Натальи Нарочницкой в Париже (закрывшийся в 2018 году) или Диалог цивилизаций Владимира Якунина в Берлине ориентированы – с ограниченным успехом – на институциональные контакты с консервативными западноевропейскими элитами⁴⁶. Что касается RT и Sputnik, функциональная автономия каждой национальной секции в разработке нарратива, адаптированного к местному контексту,

45. Douzet F., Limonier K., Mihoubi S., René É. Cartographier la propagation des contenus russes et chinois sur le Web africain francophone [Картография распространения российских и китайских контентов в африканской франкоязычной среде] // Hérodote. Т. 2. № 177. 2020. Сс. 77-99.

46. Barbashin A., Graef A. Thinking Foreign Policy in Russia: Think Tanks and Grand Narratives. Atlantic Council. 2019.

хоть и нуждается в более подробном изучении, становится очевидной при сравнении дискурсов, предназначенных для Европы, и дискурсов, адресованных Африке и Ближнему Востоку⁴⁷.

Вне рамок официальной публичной демократии, в некоторых из этих ниш выросло целое сообщество агентов влияния, таких как известный своими монархическими и православными взглядами бизнесмен Константин Малофеев, который частично профинансировал действия России в Крыму и на Донбассе⁴⁸. На французской сцене можно назвать, к примеру, Пьера Малиновского, друга семьи Ле Пен, который нашёл в России останки наполеоновского генерала и сумел убедить президента Макрона захоронить их в Пантеоне⁴⁹.

Чем более удалены концентрические круги от политической власти, тем больше их представители нуждаются в опоре на отношения с более благоприятно позиционированными фигурами, выступающими в качестве посредников, чтобы заручиться поддержкой со стороны центральной власти. В последнем круге влияния находятся иностранцы, на определённых условиях предоставляющие услуги в собственных странах, но не имеющие прямого доступа к официальным российским структурам. Этим иностранным фигурам остаётся лишь строить предположения относительно их реальной позиции в московских структурах влияния, и они действуют как свободные электроны на свой собственный финансовый и юридический страх и риск.

Любая инициатива, выдвинутая агентом влияния, может потерпеть неудачу. В этом случае российская государственная структура отказывается нести за неё ответственность. Такого рода напряжённость возникла, к примеру, между стратегиями Малофеева и Кремля в управлении донбасским сепаратизмом в первые месяцы конфликта, когда Владислав Сурков взял под контроль бунт против Малофеева⁵⁰. Напротив, в случае успеха, агент влияния может быть вознаграждён официальным одобрением его инициативы.

47. Подробнее см. в: *Douzet F. et al.* Cartographie la propagation des contenus russes et chinois sur le Web africain francophone. *Op. cit.*

48. *Shekhovtsov A.* Russia and the Western Far Right: Tango Noir. London: Routledge. 2017.

49. *Daniel J.* De Moscou à Paris, le mystère Malinowski [От Москвы до Парижа, загадка Малиновского] // *Le Monde*. 30 октября 2020. www.lemonde.fr.

50. *Hosaka S.* Welcome to Surkov's Theater: Russian Political Technology in the Donbas War // *Nationalities Papers*. T. 47. № 5. 2019. Сс. 750-773.

Успехи и неудачи российской нишевой мягкой силы

Как оценить успех российской мягкой силы в целом и каждой из её четырёх ниш в отдельности? Най определяет мягкую силу как возможность достижения цели путём привлечения, а не через принуждение и оплату. Таким образом, можно выделить несколько слоёв воздействия мягкой силы, от более тонкого до более толстого: не прибегая к принуждению добиться конкретных решений, благоприятных для страны; получить моральный авторитет для формирования повестки на международной арене и т.д.

В зависимости от интерпретации целей российской мягкой силы, её можно считать успешной или неудачной. В данной статье цели российского режима рассматриваются скорее как оборонительные, чем как наступательные: Москва заинтересована прежде всего в том, чтобы (1) защитить себя от нормативных вторжений Запада, которые бросили бы вызов режиму внутри страны; (2) остановить сокращение того, что осталось от российской «сферы влияния» на постсоветском пространстве; и (3) наилучшим образом использовать свой статус джокера для дестабилизации конкурента в его превосходящей позиции.

Стратегия изоляции от международного давления в значительной степени увенчалась успехом, благодаря не столько российской мягкой силе, сколько таким мерам жёсткой силы как модернизация российских вооружённых сил с целью сохранения ядерного паритета с США, разработка нового гиперзвукового оружия и активности на некоторых военных театрах, например, в Сирии. Эта жёсткая сила сопровождалась последовательной стратегией, направленной на достижение большей автономии по отношению к западным международным институтам: от выплаты российского внешнего долга в начале 2000 годов до недавнего развития международных платёжных механизмов в валюте, отличной от долларов США, создания национальной системы межбанковских переводов⁵¹ для конкуренции с

51. Turak N. Russia's Central Bank Governor Touts Moscow Alternative to Swift Transfer System as Protection From US Sanctions // CNBC. 23 мая 2018. www.cnbc.com.

системой SWIFT, экспериментов с криптовалютами⁵² и инвестиций в национальные интернет-серверы, расположенные на территории России, которые могут работать отдельно от используемой во всём мире системы доменных имён, постепенного отказа от западного программного обеспечения, такого как Microsoft, в пользу российских альтернатив для восстановления «интернет-суверенитета» и т.д.⁵³

По решениям, которые Россия не контролирует напрямую, её способность без принуждения добиться от других желательных для неё реакций, показала неоднозначные результаты. Поддержка нелиберальных партий в Европе принесла Москве некоторые политические преимущества: эти партии действительно поддерживают российскую позицию на международном уровне и последовательно выступают в пользу России при голосовании в Европарламенте, пытаясь сорвать или, по крайней мере, помешать критическим замечаниям (и санкциям) в адрес Москвы⁵⁴. Однако их способность изменить мейнстримовую критику в адрес России ограничена: санкции продолжают действовать и даже усилились в связи с отравлением Алексея Навального⁵⁵. Точно так же, в США личные симпатии Дональда Трампа к Владимиру Путину как нелиберальному лидеру и рост позитивного отношения к России среди республиканцев во время мандата Трампа⁵⁶ не оказали никакого влияния на внешнюю политику США в глобальном масштабе, а Конгресс США никогда раньше не проявлял такого единства в своей антироссийской позиции⁵⁷.

Успех также неоднозначен по четырём микротаргетированным нишам российской мягкой силы. Активизация российских диаспор за рубежом в поддержку России привела к различным результатам в зависимости от страны и общества. Некоторые символические акции, пропагандирующие культурное прошлое России, получили некоторую поддержку в западных странах, например, акция

52. *O'Neal S.* From Russia to Macedonia: How Cryptocurrencies Are Regulated in Eastern Europe // *Cointelegraph*. 2 июля 2018. <https://cointelegraph.com>.

53. *Brokeš F.* Russia's Sovereign Internet // *Obserwator finansowy.pl*. 24 сентября 2018. <https://finansialobserver.eu>.

54. *Krekó P., Macaulay M., Molnár C., Györi L.* Europe's New Pro-Putin Coalition: The Parties of 'No' // *Institute of Modern Russia*. 3 августа 2015. <https://imrussia.org>.

55. *Navalny Novichok Poisoning: EU Sanctions Hit Top Russians* // *BBC*. 15 октября 2020. www.bbc.com.

56. *Reinhart R.* Republicans More Positive on U.S. Relations With Russia // *Gallup*. 13 июля 2018. <https://news.gallup.com>.

57. *Kurilla I.* The Anti-Russia Surge in U.S. Politics: Finding Context // *PONARS Eurasia Policy Memo*. № 526. Апрель 2018; *Polyakova A., Letsas F.* On the Record: The U.S. Administration's Actions on Russia // *Brookings*. 31 декабря 2019. www.brookings.edu.

Бессмертный полк в день Победы⁵⁸. При этом большинство россиян, живущих за рубежом, не испытывают особого почтения к Москве и не обязательно проявляют чувствительность к консервативной повестке, особенно в религиозном плане. Карта православной солидарности принесла Москве более заметные геополитические плоды на Балканах и в странах Ближнего Востока. Реактивация советского прошлого позволила восстановить некоторые связи с партиями левого толка в Европе и в странах с откровенно антиамериканской повесткой как Венесуэла, но эти партии не обладают достаточной силой, чтобы оказать воздействие на внутреннюю или международную ситуацию и изменить мейнстримный критический взгляд на Россию.

Наиболее заметны успехи в третьей и четвертой нишах. Консервативная мораль служит сегодня прочной основой российской мягкой силы, позволяющей апеллировать как к консервативной аудитории на Западе, так и к целому ряду стран Ближнего Востока и Африки. Тем не менее, она по определению остаётся ограниченной рядом социальных групп, уже убеждённых повесткой так называемых «традиционных ценностей». В последние годы международный порядок действительно трансформируется под влиянием нелиберального управления и суверенизма, но такие страны как Турция «сотрясают» западный порядок, пожалуй, даже больше, чем сама Россия. Таким образом, распространение нелиберального управления и суверенизма не является продуктом российской мягкой силы: оно помогает Москве достичь своих внешнеполитических целей лишь опосредованно, дискредитируя и ослабляя либеральный порядок, возникший после окончания холодной войны. Более того, другие страны, такие как Венгрия и более враждебная России Польша, также претендуют на роль проводников истинно европейской идентичности, направленного против «порочного» Евросоюза.

Успех мягкой силы России также неоднозначен в обеспечении поддержки со стороны внешних аудиторий. Ежегодные опросы *Gallup* недвусмысленно показывают, что мировое общественное мнение в отношении России в настоящий момент во многом неблагоприятно (около 70% респондентов выражают негативное мнение после переломного момента 2014 года) и лишь четверть опрошенных выражают позитивное мнение, что сильно отличается от показателей середины 2000-х годов, когда результаты были обратными – две трети

58. См., например: *Balabay L.* «Immortal» Regiment' Received Official Status in the United States // *ForumDaily*. 26 сентября 2019. www.forumdaily.com.

респондентов выражали позитивное отношение к России и одна треть негативное⁵⁹.

В то время как Россия смогла заручиться обширной поддержкой со стороны европейских нелиберальных лидеров, потенциальный эффект просачивания этой поддержки в электорат оказался ограниченным. По словам Александра Фишера, «не очевидно, что более тесные связи между партийными элитами будут способствовать более благоприятному отношению к государствам на массовом уровне⁶⁰». Общественное мнение редко формируется под влиянием внешнеполитических проблем, что снижает способность страны говорить с иностранной аудиторией и влиять на нее. Сторонники партий, выступающих против истеблишмента, действительно демонстрируют более благоприятное отношение к Владимиру Путину, но не к России в целом, и не занимают менее благосклонную позицию по отношению к США и НАТО, чем граждане с более либеральными политическими взглядами.

Эту ситуацию можно объяснить тем, что национал-популистские партии, которые выступают против истеблишмента, разделяют евроскептические настроения, предваряющие любую позицию по внешнеполитическим вопросам. Их электорат может быть более восприимчив к антиевропейским нарративам, исходящим из России, но Москва не контролирует эти настроения и, в лучшем случае, может лишь оппортунистически играть на них⁶¹. Как поясняет Мария Снеговая, «повестка этих групп редко задаётся Кремлём, а скорее временно совпадает с его интересами. Это обстоятельство обнажает ограничение, присущее российской консервативной мягкой силе, которую можно охарактеризовать скорее как совпадение интересов и взглядов с европейскими национал-популистами и другими нелиберальными фигурами в мире, чем как влияние⁶².

59. См. страницу «Russia» на вебсайте Gallup. <https://news.gallup.com>.

60. Fisher A. Trickle Down Soft Power: Do Russia's Ties to European Parties Influence Public Opinion? // Foreign Policy Analysis. 2020.

61. Snegovaya M. Fellow Travelers or Trojan Horses? Similarities Across pro-Russian Parties' Electorates in Europe (в печати).

62. Laruelle M. Russian and American Far Right Connections: Confluence, Not Influence // PONARS Eurasia Policy Memo. № 516. Март 2018.

Заключение

Можно утверждать, что Россия добилась успеха в своей стратегии мягкой силы, если определять эту стратегию как:

- Нацеленную на микроаудитории, которые изначально либо благоприятно настроены в отношении России, либо отторгают либеральные ценности. В этом направлении России удалось создать последовательный нарратив, подкрепляющий мировоззрение этих групп, сделавшись их легитимным «голосом» и связывая их друг с другом для создания эффекта домино с кумулятивной силой влияния. Таким образом, усилия России направлены в большей степени на сохранение своего влияния в потенциально уже пророссийски настроенном пространстве – либо в силу его исторических и культурных характеристик, либо по причине его изначально антилиберальной ориентации, – чем на полноценное завоевание умов и сердец.
- Создающую противовес так называемому либеральному Западу, дестабилизируя конкурента и позиционируя себя в качестве альтернативы. Здесь Россия использует в своих интересах слабости либерального порядка, как на внутригосударственном, так и на международном уровне, чтобы защитить существующий режим от внешнего давления. Сама она не создаёт нелиберальных режимов или движений за рубежом, но может предложить им как жёсткие, так и мягкие инструменты поддержки. Что касается мягких инструментов, они действуют как эхо-камера, предоставляя этим лидерам и движениям трибуну через финансируемые государством СМИ и институты публичной демократии. Однако это совпадение интересов не помогает Москве напрямую влиять на избирателей и их внешнеполитические позиции, которые формируются под влиянием других, внутривнутриполитических, факторов.
- Защищающую себя от нормативных вторжений извне путём признания своего статуса великой державы. В этом случае выступать в качестве новой угрозы может служить защитной мерой. Цель Кремля по восстановлению величия России – вызывая как восхищение, так и страх – кажется успешно достигнутой: опрос Исследовательского центра *Pew*, проведённый в 25 странах в 2018 году, показал, что

42% опрошенных считают, что Россия за последние десять лет стала более сильной (в США эта цифра составляет 52%), в то время как лишь 19% (в основном в неевропейских странах) считают, что Россия стала более слабой⁶³.

Детальное исследование российской нишевой стратегии подтверждает существование неуниверсальной мягкой силы, основанной на особенностях страны. Одной из основных характеристик российской проекции силы является консерватизм как противопоставление либерализму: вопросы морали и так называемая традиционная семья, понятие «суверенизма» и модель нелиберального управления формируют центральные составляющие используемой Россией стратегии микротаргетирования. Однако эти консервативные ниши не должны автоматически смешиваться с российским статусом джокера: в некоторых аспектах, провокационный тон и циничные высказывания RT и Sputnik в духе «посмотрите на себя» плохо сочетаются с подлинно консервативным мировоззрением. Более того, некоторые ниши российской мягкой силы связаны не с консерватизмом как таковым, а с собственной историей и культурой данной страны, что не мешает им повлечь эффект домино. К примеру, активизация этнических русских в Германии способствовала успеху на выборах в этой стране ультраправой партии Альтернатива для Германии (*Alternative für Deutschland AfD*)⁶⁴.

Выявление неуниверсальной мягкой силы России имеет два важных политических последствия.

Во-первых, новое исследование показывает, что миф об «иностранным влиянии» на общественное мнение не выдерживает испытания научным подходом. Изучая взгляды международной аудитории на Россию и США в 50 странах с 2012 по 2017 годы, Александр Фишер обнаружил, что респонденты имеют сходные установки по отношению к России и США и редко принимают чью-либо сторону. Хотя в ряде европейских стран позиции стали более поляризованными по мере роста геополитической напряжённости, видения США и России в значительной степени продолжают коррелировать друг с другом⁶⁵. Более того, исследование показало, что рост осведомлённости населения о внешней пропаганде не ослабляет

63. Wike R. *u др.* China's Power Seen as Rising More Than Other Major Nations // Pew Research Center. 1 октября 2018. www.pewglobal.org.

64. Laruelle M., Rivera E. *Collusion or Homegrown Collaboration? Connections Between German Far Right and Russia*. Budapest: Political Capital. 2019.

65. Fisher A. *A New Cold War? International Public Opinion of Russia and the United States* // International Journal of Public Opinion Research. T. 32. № 1. Весна 2020. Сс. 143-152.

её потенциальное влияние⁶⁶. А это означает, что спонсируемые государством программы, направленные на борьбу с «российской (или китайской) дезинформацией» путём публикации контраргументов, не имеют большого смысла и не приводят к изменению мнения людей. В лучшем случае они могут способствовать сдерживанию распространения некоторых кампаний. Единственным рациональным решением была бы борьба с эффектом эхо-камеры сегодняшней медийной экосистемы и особенно социальных сетей.

Во-вторых, использование терминологии холодной войны, характеризующей российский дискурсивный аппарат как «пропаганду», ошибочно не только концептуально, но и политически: пропаганда однонаправленна, в то время как публичная дипломатия интерактивна и предоставляет трибуну также и получателям информации⁶⁷. Отсутствие исследований спроса на российскую мягкую силу не позволяет понять глубинные мотивы тех, кто поддерживает Россию в своих странах. Навешивание на них ярлыка «полезных идиотов Путина⁶⁸» полностью упускает из виду общность позиций и совпадение геополитических взглядов и прагматичных интересов. Для Кремля это также означает возможность извлечь дополнительную выгоду из изменения идеологических позиций своих международных партнеров, а также собственной позиции России – что стимулирует его, например, к поддержке ультраправых режимов или политиков, которых он в других условиях не поддержал бы. Впрочем, остаётся пока непонятным то, как сочетание изменчивого идеологического ландшафта Европы и США и ослабленного, но всё ещё стойкого, режима Путина повлияет на российскую нишевую мягкую силу в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

66. Fisher A. Demonizing the Enemy: The Influence of Russian State-Sponsored Media on American Audiences // *Post-Soviet Affairs*. 2020. Сс. 1-16.

67. Melissen J. (ред.) *The New Public Diplomacy*. New York: Palgrave Macmillan. 2005. Сс. 19-22.

68. См., к примеру, среди многих других: Milbank D. Putin's Useful Idiots // *The Washington Post*. 20 февраля 2018. www.washingtonpost.com.

Последние публикации *Russie.Nei.Visions*

- [Ло Б., «Климатическая политика России: между отрицанием и адаптацией»](#), Russie.Nei.Visions, № 121, март 2021.
- [Суханкин С., «Российские частные военные компании в субсахарской Африке: роль, преимущества и ограничения»](#), Russie.Nei.Visions, № 120, сентябрь 2020.
- [Пятаков А., «Россия-Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения»](#), Russie.Nei.Visions, № 119, июль 2020.
- [Баев П., «Трансформация российской стратегической культуры: влияние локальных конфликтов и глобального противостояния»](#), Russie.Nei.Visions, № 118, июль 2020.
- [Ларюэль М., «Успехи и слабости политики России в Арктике»](#), Russie.Nei.Visions, № 117, март 2020.
- [Захаров А., «Друзья познаются в беде: Куда идёт российско-индийское стратегическое партнерство?»](#), Russie.Nei.Visions, № 116, октябрь 2019.
- [Баев П., «Ядерная модернизация России и "чудо-ракеты" Владимира Путина: мифы и реальность»](#), Russie.Nei.Visions, № 115, август 2019.
- [Калика А., «Активизация политики России в Африке и её ограничения»](#), Russie.Nei.Visions, № 114, апрель 2019.
- [Ларюэль М., «Неформальные военизированные группы в России и их использование в стране и за рубежом»](#), Russie.Nei.Visions, № 113, апрель 2019.
- [Роллан Н., «Влияние Китая в странах Восточной Европы и Южного Кавказа»](#), Russie.Nei.Visions, № 112, декабрь 2018.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: souin@ifri.org

27 rue de la Procession 75740 Paris cedex 15 – France

Ifri.org